

Производство обычного мыла, туалетного мыла и Хуанцзиньюй в сотрудничестве со сторонними партнерами; Терем Сися, специализирующийся на блюде Посягун; Павильон Байбао — древнее подобие торгового центра; и, наконец, Транспортная компания Тан под управлением Яо Санья, протянувшаяся с севера на юг и доставляющая товары для Павильона Байбао!

Выйдя из Павильона Байбао, Тан Шэнь поднял голову и устремил взгляд в бесконечную вышину ночного неба.

В черной тьме мерцали россыпи звезд, и лила свой свет величественная луна.

На миг ему показалось, будто перед множеством людей со скрежетом и грохотом разворачивается широкая, светлая дорога. Всё, что он мог сделать, — это указывать направление Тан Хуан и Управляющему Лу, а вот насколько разрастется дело семьи Тан, зависело не от него одного, но и от каждого человека, отдающего свои силы ради семьи Тан.

Впрочем, о будущем покажет время.

Вернувшись домой, Тан Шэнь умылся и уже собирался лечь спать, как вдруг кое-что вспомнил и поспешил в комнату Тан Хуан. Постучав и войдя, Тан Шэнь с удивлением воскликнул:

— Ты всё ещё разбираешь счетные книги?

— Сегодняшние счета ещё не сведены, — ответила Тан Хуан.

Тан Шэнь взял одну из книг и пролистал. Хотя он обладал феноменальной памятью и мгновенно запоминал всё прочтенное, от стройных рядов цифр у него быстро запестрело в глазах. Тан Шэнь спросил:

— И тебе не кажется это ужасно скучным и нудным?

— С чего бы? Это же связано с деньгами, что может быть увлекательнее!

Тан Шэнь лишь молча лишился слов.

«И правда, у каждого свое призвание...» Сколько бы лет ни прошло и как бы ни изменилась Тан Хуан с детских лет, ее любовь к деньгам осталась прежней.

— То, о чём я просил пару дней назад, уже отпечатали в книжной лавке? — перевел тему Тан Шэнь.

Тан Хуан ненадолго замешкалась и лишь спустя пару секунд сообразила, о чём говорит Тан Шэнь:

— Брат, не беспокойся! Я сама за этим слежу, всё будет точно в срок.

Он хотел сказать сестре еще пару напутствий, но, увидав ее азартный, горящий взгляд, Тан Шэнь внезапно понял: его младшая сестра действительно выросла. Возможно, ему как старшему брату пора перестать сжимать поводья слишком крепко, научиться доверять другим и дать ей свободу.

— Ложись спать пораньше!

— Хорошо!

На следующее утро во дворце Чунчжэн.

Небо еще не успело посветлеть, а чиновники уже собрались во дворце Чунчжэн в ожидании утренней аудиенции.

Тан Шэнь занимал чин четвертого ранга, поэтому мог ожидать только в правом крыле дворца Чунчжэн. Зал был уставлен стульями, но чиновников четвертого ранга оказалось настолько много, что многим господам мест не хватило, и им приходилось стоять. Они, конечно же, не ведали, что за смежной стеной, в главном зале дворца Чунчжэн, высшие чины Великой Сун первого и второго рангов вальяжно восседали в креслах Великого учителя из ценного жёлтого палисандра и неторопливо попивали чай.

На столах дымился отборный чай «Лунцзин», собранный до праздника Цинмин и доставленный в этом году из региона Цзяннань.

Чжао Фу проявлял к сановникам поднебесной столь глубокое участие, что даже самый придирчивый критик не смог бы усмотреть в этом ни единого изъяна.

Ван Чжэнь поднял пиалу, слегка отодвинул крышкой ароматный пар и сделал небольшой глоток. Сидевший неподалеку Министр ритуалов Мэн Лан тихо усмехнулся и, подавшись немного ближе, обратился к Ван Чжэню:

— Ван Цюань, вчера на улице Чжэньямэнь открылась новая лавка. Известно ли вам об этом?

Ван Чжэнь поднял взор, равнодушно взглянул на него и слегка улыбнулся:

— Не думал я, что вы, господин Мэн, будучи Министром ритуалов, печетесь о лавках Шэнцзина пуще меня, Министра финансов. Вы отдаете все силы службе и трудитесь на благо государства: даже на посту Министра ритуалов беспокоитесь о казне и налоговых поступлениях. Воистину, достопочтенный образец для всех нас, внушающий глубочайшее уважение.

Мэн Лан потерял дар речи.

Сановники нынешнего двора обладали невероятной толстокожестью и лицедейскими талантами высшей пробы, однако даже среди гениальных актеров мастерство бывало разным.

Мэн Лан прекрасно понимал, что по бесстыдству ему ни за что не переплюнуть старого хитреца Ван Цзыфэна, поэтому решил перейти прямо к делу:

— Вчера, возвращаясь в усадьбу в паланкине, я проезжал мимо той новой лавки. Взглянул на вывеску — а на ней красуются три иероглифа. Написано поистине благородно, изящно и сокрушительно красиво! Подобная каллиграфия — редчайшая драгоценность в нашем мире, как я мог пройти мимо? Потому я велел остановить паланкин и подошел рассмотреть поближе. Ван Цюань, угадайте, что же я обнаружил?

— О? И что же? — отозвался Ван Чжэнь.

— Это же оказалась каллиграфия Ван Цюаня!

Ван Чжэнь с наигранной тронутостью произнес:

— Не ожидал, что господин Мэн настолько ко мне внимателен. Неужели вы смогли узнать мой почерк всего по трем иероглифам?

— ...Ван Цзыфэн, с тобой же просто пошутили, отчего ты такой зануда? — вздохнул Мэн Лан.

Ван Чжэнь поставил пиалу, внезапно поднялся и оправил чиновничье одеяние:

— Пора на аудиенцию.

В то же мгновение в залу вошел евнух из Ритуальной палаты и провозгласил:

— Господа сановники, час настал, прошу пройти на утренний прием.

Мэн Лан остался стоять с открытым ртом.

Этот Ван Цзыфэн — невероятно скучный человек!

После завершения приема Тан Шэнь вместе со строем чиновников покидал императорский дворец. Внезапно ему послышалось, будто кто-то окликнул его по имени. Он растерянно повернул голову и увидел Ван Чжэня, который стоял неподалеку и с улыбкой смотрел на него:

— Цзинцзэ, не хочешь пройтись вместе?

Вокруг снували седовласые, испрепеченные морщинами старики, и облаченный в темно-алое чиновничье платье Ван Цюань на их фоне казался сошедшим с небес небожителем. На контрасте это зрелище выглядело настолько поразительным, что Тан Шэнь замер на несколько секунд и лишь затем поспешил к нему. Когда он пришел в себя, то обнаружил, что уже шагает бок о бок с Ван Чжэнем по дороге, ведущей к Дворцу Циньчжэн.

Ван Чжэнь спросил мягким голосом:

— Что за место такое — Павильон Байбао?

Тан Шэнь изумился:

— Старший брат ещё там не бывал?

— Не случилось. В эти два дня государственные дела отнимали всё время, никак не удавалось выкроить минуту.

Тан Шэнь собирался было объяснить, но, стоит лишь начать, подробностей понадобится слишком много. Поразмыслив немного, он предложил:

— Может, сегодня после окончания службы я схожу туда вместе со старшим братом? Ты сам всё увидишь и поймешь.

Ван Чжэнь одарил Тан Шэня многозначительным взглядом и ответил:

— Что ж, да будет по-твоему.

Примечание автора:

Сорокатрехлетний господин Мэн: «Ну и лис же ты старый, Ван Цзыфэн!»

Закончив службу, Тан Шэнь ненадолго задержался у Дворца Циньчжэн, а затем поднялся в экипаж Ван Чжэня, и они вместе выехали из дворца.

В древние времена у чиновников тоже существовало понятие «задерживаться на службе сверх срока». Как и в будущем, высшее руководство редко задерживалось допоздна, вот и Ван Чжэнь крайне редко засиживался на работе. Однако чиновникам вроде Тан Шэня — секретарским сановникам Чжуншу четвёртого ранга — чтобы покинуть службу, нужно было оглядываться не только на себя, но и на своего непосредственного начальника.

Если начальник не ушёл, осмелишься ли уйти ты?

К счастью, непосредственный начальник Тан Шэня, правый канцлер Сюй Би, Сюй Линхоу, был уже в преклонных летах и редко задерживался на службе, так что и Тан Шэню почти не приходилось перерабатывать.

Они не отправились сразу в Павильон Байбао, а разъехались по домам, чтобы сменить официальные чиновничьи платья на повседневную одежду.

Ван Чжэнь заехал за Тан Шэнем в Поместье Таньхуа. Поправив одежду, Тан Шэнь вышел за ворота. Увидев паланкин Ван Чжэня, он на мгновение обомлел. Поднявшись в паланкин, Тан Шэнь спросил:

— Старший брат, мы ведь сначала ехали в экипаже, почему же теперь пересели в паланкин?

Ван Чжэнь был облачён в белое парчовое одеяние и выглядел невероятно статно и изысканно. В руках он держал складной веер. Когда он сложенным веером полегоньку постукивал по ладони, алый куриный камень, подвешенный к рукояти, плавно покачивался в такт движениям.

— Отсюда до улицы Чжэньянмэнь не так уж далеко. Младший брат, ты не хочешь ехать в паланкине?

— Да нет, дело не в этом, — ответил Тан Шэнь.

Просто экипаж был просторным, и двое взрослых мужчин помещались в нём без малейшей тесноты. Паланкин же оказался куда уже, из-за чего ему приходилось сидеть вплотную к Ван Чжэню. Поворчав про себя, Тан Шэнь постепенно перевёл взгляд на веер в руках Ван Чжэня.

Заметив его интерес, Ван Чжэнь спросил:

— Хочешь посмотреть?

— Угу.

Ван Чжэнь протянул веер Тан Шэню. Тот взял его, но даже не подумал раскрыть, а вместо этого бережно взял в ладонь красный камень, свисавший с рукояти.

— Цвет ярок, словно петушиная кровь, а блеск безупречен, как у нефрита. Текстура невероятно чистая и мягкая... неужто это «бараний жир»? — Тан Шэнь поднял голову и спросил: — Старший брат, уж не чанхуаский куриный камень ли это?

Ван Чжэнь не удержался от смешка.

Тихо вздохнув, Ван Чжэнь забрал веер:

— Да, это чанхуаский куриный камень.

Тан Шэнь уверенно улыбнулся.

Прожив в древности пять лет и занявшись торговлей, Тан Шэнь неизбежно сталкивался с редкими антикварными вещами и драгоценными камнями. Раньше он ни за что не отличил бы куриный камень от обычного, не говоря уже о чанхуаском курином камне. Но поскольку Павильон Байбао недавно планировал ввести в продажу ювелирные изделия, Тан Шэнь полистал разные книги и немного во всём разобрался. И то, что удалось применить знания на практике, принесло ему немалое удовольствие.

С легким щелчком Ван Чжэнь распахнул белоснежный веер и неторопливо произнес:

— Я-то думал, младший брат взял веер, чтобы взглянуть на рисунок и каллиграфию.

— А? — Тан Шэнь обомлел и уставился на веер.

На белой бумаге веера была изображена красавица, кормящая рыбок, а рядом шла строка изящно выведенных иероглифов.

— «Почтовой гоньбой отсылают сливы цветы, в письме с рыбой шлют весть о тоске... Лишь множатся печали без счета», — прочел Тан Шэнь начертанные строки.

Ветка сливы — как символ чувства, письмо — как выражение глубокой тоски.

Это же оказалась картина с тоскующей девой, кормящей рыбок!

Тан Шэнь быстро сориентировался и тут же приступил к откровенной лести:

— Каллиграфия и живопись старшего брата поистине достигли вершины мастерства!

И подпись под рисунком, и каллиграфия принадлежали Ван Цзыфэну.

Ван Чжэнь изогнул губы в улыбке и не стал ничего добавлять.

Вскоре они прибыли к Павильону Байбао.

<http://bllate.org/book/18292/1754574>